

PAWEŁ MAJKA

POKÓJ
ŚWIATÓW

ПАВЕЛ МАЙКА

МИР
МИРОВ

*Перевод с польского:
Елена Шевченко и Ирина Шевченко*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821. 162.1
ББК 84(4Пол)
М14

Серия «Шедевры фэнтези»

Raweł Majka
ROKÓJ ŚWIATÓW

Публикуется с разрешения автора, издательства Genius Creations
и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Перевод с польского: *Ирина Шевченко, Елена Шевченко*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Подписано в печать 17.07.2019.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Гарнитура Mysl
Тираж экз. Заказ № .

Copyright © Raweł Majka
© Ирина Шевченко, перевод, 2019
© Елена Шевченко, перевод, 2019
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ΠΡΟΛΟΓ

Когда их везли, на радость зевакам, в открытой повозке, маленький и толстый съежился, напуганный ненавистью толпы. Он пытался уклониться от помидоров и гнилого картофеля, бесформенных комков грязи и камней, которые бросали самые дерзкие. И все время всхлипывал. Он что-то кричал о своей жене и детях и слезно заверял всех в своей невинности. Убеждал, что произошла большая ошибка, может, верил, будто охваченная безумием людская масса захочет его выслушать.

Высокий седеющий вор в остатках плаща, сшитого из десятка лоскутов, вступил в поединок с жаждущими зрелища смерти горожанами. Он плевал на их головы, смеясь, когда попадал кому-нибудь в покрасневшее лицо. На оскорбления отвечал еще более вульгарными оскорблениями и не жалел непристойностей для женщин. Третий осужденный молчал.

Элегантный, молодой, с лицом, полным глубокого достоинства, он закрыл глаза, словно спал. Не реагировал даже тогда, когда в него попадала грязь. Одним его поведение обескураживало, других раздражало, поэтому сложно оценить, была ли выбранная им стратегия успешной. На самом деле, кидали в него

гнилыми овощами реже, однако те, кто упорно хотел победить его равнодушие, целились все точнее и бросали сильнее.

Последний из тех, кого везли на плаху, заслонил лицо, и это была единственная форма внимания, которой он удостоил толпу. Иногда он переговаривался с вором. Заплаканного толстяка и высокомерного юнца игнорировал. Мужчина поднимал голову и осматривал площадь так, словно ждал оттуда спасения, а не казни. А возможно, он уже достаточно натерпелся мучений от толпы и сейчас предпочел бы скорее умереть, чем оставаться игрушкой для сброда.

Когда они наконец достигли центра площади, стража помогла осужденным сойти с повозки и проводила их к висельным петлям. Толстяка пришлось затягивать силой, остальные приняли свою судьбу равнодушно. Толстяка поставили под первой петлей, вора под второй, а того, кто все еще не открывал глаз, словно в летаргическом сне, под третьей. Когда под четвертой петлей поставили ее «жениха», судья вышел, чтобы огласить приговор. Толпа мгновенно приоткрыла. Почти все уже знали об ужасных злодеяниях осужденных, но, слушая, как судья, овеянный величием закона, зачитывает их описание, собравшиеся ощутили необычную дрожь. Это было частью ритуала. Ведь в этом мире не существовало людей, которые не осознавали важность ритуалов.

Толстяка осудили за удушение любовницы. Вор пал жертвой невезения — на краже со взломом он убил хозяина раритетной саблей, что была частью добычи. Молчун оказался серийным убийцей, который зверски лишил жизни четырех проституток и был схвачен при попытке выпотрошить пятую.

Последнего из осужденных петля ждала за убийство достопочтенного господина Буртовецкого, известного и уважаемого президента торговой гильдии, который неоднократно разными деяниями помогал городу. В тот момент, когда был оглашен приговор, толпа нарушила молчание, проклиная убийцу.

На последнем слове толстяк еще раз взмолился о пощаде, чем вызвал отвращение как у осужденных, так и у публики. Его заглушил свист и вой толпы. Зато палача наградили одобрительными воплями, когда тот надел на его голову мешок из черного полотна, не позволяя осужденному закончить речь. Бедняга испуганно вскрикнул и обделался в штаны, вызвав восторг у зевак, в том числе и у вора. Когда того спросили про последнее слово, он обругал судью, палача и всех горожан. Он ругался бы еще долго, но и ему не позволили закончить. Молчун, как обычно, ничего не сказал.

— А ты, мерзавец? — судья обратился к последнему осужденному. — Что ты хочешь сказать? Может, извинишься перед жителями этого города за то, что отнял у них благодетеля, самого щедрого человека под солнцем?

На какой-то миг показалось, будто мужчина действительно хотел что-то сказать о благодетеле города. Однако он передумал и только объявил:

— Осталось еще трое.

Преступник, по-видимому, ничего больше не собиравшись говорить, поэтому судья, выждав минуту, подал знак палачу, и тот надел мешок на голову убийцы.

Что именно означали слова осужденного, уже не имело значения.

Четверо смертников одновременно повисли на натянутых тросах, к радости толпы, удовлетворив тре-

бования правосудия. Они оттанцевали танец висельников, сопровождая себя хрипом, и оросили доски телесными жидкостями. Под мешками их лица синели, языки вываливались из широко раскрытых ртов. Вор умер быстро, как и убийца проституток. Толстяк немного помучался, но дольше всего, ко всеобщей радости, умирал убийца мецената, яростно борясь за жизнь, он мучился, как ни один из ранее виденных горожанами осужденных. Никто его не пожалел, и палач не прекратил мук несчастного.

Когда он наконец умер, палач обрезал и его веревку. Помощники палача сняли с трупов все, что могло им пригодиться, после чего сложили тела на телегу и вывезли их далеко за город, на одинокий холм под лесом. Там они бросили всех четырех висельников без погребения, принося их в жертву теням. Убийцы не заслуживали сострадания, а тени, жадные до человеческого мяса и крови, проявляли благодарность к тем, кто их подкармливал. Они спускались с неба и выныривали из-под земли, едва опускался сумрак. Помощников уже и близко не было возле холма.

Тени первым делом кинулись к убийце проституток. Те, что прибыли во вторую очередь, сожрали вора. Припозднившиеся еще более неохотно отдали мясо толстяка, доказывая его невиновность нелестным фырканием и жалобами на омерзительный вкус.

Только самые отчаянные пытались урвать кусочек мяса от последнего осужденного. Сидящая верхом на его груди мара отгоняла каждого смельчака. Она приняла форму чернокожей женщины с черными волосами и глазами. Ее ладони, заканчивающиеся когтями, представляли собой страшное оружие даже

против призраков. Большинство стервятников уважало ее право на еду, поэтому она воевала только с теми немногими, кто прибыл слишком поздно и теперь хотел поживиться хотя бы кусочком мяса. Они напрасно подкрадывались к последнему осужденному — мара была бдительнее, быстрее и сильнее их. Самые смелые убегали с визгом, когда попадали под ее черные когти. Наконец, незадолго до рассвета, все исчезли. Тогда мара наклонилась к своему избраннику и поцеловала его — долгим, страстным поцелуем. Она не отрывала от него губ, пока тело повешенного не задрожало, пока мужчина не пошевелил рукой, пытаясь то ли обнять демоницу, то ли напротив — оттолкнуть ее.

Он захрипел, сиюсь что-то сказать. Одной ладонью женщина закрыла ему рот, другую положила на грудь.

— Тихо, мой милый. Ты должен набраться сил.

Он кивнул и только сейчас открыл веки, чтобы посмотреть ей в глаза: черные, с кругами более глубокой тьмы на месте зрачков. Она снова показалась ему прекрасной, как тогда, когда он увидел ее впервые. Превозмогая слабость, он поднял руку, чтобы погладить ее по щеке, шелковистой и холодной.

— Осталось еще трое, — прошептала она и, заметив первый луч солнца, поцеловала мужчину еще раз, долго, пока вся не проникла в его тело и душу.

ПЕРВЫЙ

ГЛАВА 1

*Июнь 1972 года по старому календарю,
пятьдесят седьмой год Предела, двадцатый год Мира*

Поезд въехал на Центральный вокзал в Кракове, как всегда доказывая своей пунктуальностью величие объединенных сил технологии и энергиков. Машинист объявил о прибытии протяжным локомотивным гудком, выпуская сжатую струю пара. Он поцеловал всегда холодный железнодорожный амулет, висящий над котлом, и поклонился хранителю. Перемазанное сажей существо, напоминающее гнома, которого можно встретить на рудниках, радостно пискнуло и нырнуло назад в догорающий огонь. Могучий локомотив аж содрогнулся от притока энергии.

Дрожь передалась вагонам — и эксклюзивным, для первого класса, и самым дешевым, в которые набивались бедняки и редкостные жлобы. Машинист усмехнулся, пригрозив пальцем хранителю. Тот ответил из нутра котла радостным хохотом.

— Господин Кутшеба? Господин Кутшеба? — кричал бегающий вдоль вагонов седой мужчина, очевидно, не привыкший к вокзальному галдежу. Он нервно озирался по сторонам и отскакивал, когда какой-нибудь из нетерпеливых локомотивов, ожидающих отправления, выпускал струю пара.

Краковский вокзал был самым большим в стране, поэтому и оживление тут царило необычайное. Хотя в Европе уцелело немного железных дорог и несколько поездов в одном месте представляли собой необычное явление, в некоторых городах поезда, казалось, буквально толпились. Вокзал в Кракове набухал от прибывающих и отъезжающих пассажиров, железнодорожных хранителей, городских стражей-теней, а также мелких мерцающих полусуществ, которые сопровождали вспышки эмоций. Именно над вокзалом кружили духи и демоны, привлеченные необыкновенным скоплением всякого рода силы.

Людей охраняли от них высокие сторожевые башни. Каждый их кирпич был усилен знаками, стены каждого этажа прогибались от талисманов. Простые люди не смогли бы там дежурить, поэтому замуровывали в башнях тех, кто решил посвятить себя службе городу и претерпеть перевоплощение. Сложно было назвать их живыми, и вообще сложно было сказать про них хоть что-нибудь, мало кто отваживался налаживать с ними контакт. Безымянные и ужасающие, они оставались на своих постах, довольствуясь жертвами, которые каждое утро приносили им смотрители. Их не интересовала еда, только знаки почтения и крохи города, доставляемые со всех его районов. Они принимали бусины из разорванных украшений благородных горожанок, лоскуток платочка с кровью извозчика или камушек, что пнул крикливый горный шалопай. Каждый предмет, которого коснулось сердцебиение этого города, придавал им сил.

— Господин Мирослав Кутшеба? — кричал седоволосый. — Господин Кутшеба?

Казалось, все пассажиры уже покинули вагоны, когда на пороге одного из них наконец-то появился тот, кого седоволосый уже едва ли надеялся найти.

— Я здесь, — отозвался он хриплым голосом. Мужчина откашлялся и повторил громче.

Седоволосый двинулся к нему. Он ожидал, что Кутшеба приедет в вагоне первого класса, а не в последнем, самом дешевом, в котором, случалось, ехали люди со скотом и товарами. Неужели именно про этого человека говорил шеф?

Кутшеба оказался высоким и статным. Кожаная куртка когда-то темно-коричневого цвета была потерта до предела, наводя на мысль, что это был бродяга из тех, что рыскают по свалкам. Не лучшее впечатление производила шляпа, смятая до невозможности, потемневшая, скорее всего, от грязи и низко надвинутая на глаза. Кроме того, льняной платок, несмотря на жару обмотанный вокруг шеи, говорил, что Кутшеба либо чудака, либо слишком слаб здоровьем. Однако сумки приезжего принадлежали известным фирмам, славившимся своим высоким качеством, к тому же были изготовлены вручную и на заказ. Конечно, он мог украсть их у кого-нибудь по дороге.

— Господин Мирослав Кутшеба? — переспросил седоволосый. Получив в ответ лишь неохотный кивок, он решил, что не ему критиковать решения босса, которого он и так не надеялся когда-нибудь понять. — Мое имя Францишек Чус, я работаю на господина Новаковского, который решил вас нанять. Прошу меня простить, я ожидал, что раз уж мы покрываем ваши расходы, то я встречу вас в вагоне первого класса.

